

Усадьба «Д-2» Неревского раскопа во второй половине X в.

А. М. Гринев¹

Аннотация. Данная работа посвящена комплексному анализу усадьбы «Д-2» Неревского раскопа второй половины X в. Рассматривается история ее изучения, характеризуется застройка владения, дается подробный разбор вещевого комплекса древнейшего яруса и анализируется пространственное распределение отдельных категорий находок. В заключении статьи обосновывается время заселения усадьбы и описывается ее вероятный облик во второй половине X в.

Annotation. This work is an interdisciplinary analysis of the urban property “Д-2” at the Nerevsky excavation site of the second half of the 10th century in mediaeval Novgorod. Here, the history of its investigations is considered, the layout of the area is characterized, a detailed study of the complex of artefacts from the earliest horizon is presented and the spatial distribution of particular categories of finds is analysed. In the article’s conclusion, the time of the occupation of the property is grounded and its possible character in the second half of the 10th century is described.

Ключевые слова: вещевые комплексы, городская усадьба, Неревский конец, пространственный анализ, скандинавская культура, средневековый Новгород, эпоха викингов.

Keywords: complexes of artefacts, urban property, Nerevsky Konets, spatial analysis, Scandinavian culture, medi-aeval Novgorod, Viking Age.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-68-84

Многолетние археологические исследования на Неревском раскопе (1951–1962 гг.) стали важной вехой в истории отечественной археологии. Здесь благодаря последовательному вскрытию большого участка средневекового города ученым впервые удалось обнаружить целые кварталы древней застройки и обратиться к изучению городских усадеб, являвшихся структурообразующей единицей Новгорода (Хорошев, 1997. С. 411). Уникальный «мокрый» культурный слой обусловил хорошую сохранность предметов как из неорганических, так и из органических материалов, что позволило исследователям всесторонне изучить быт средневековых жителей, а открытие берестяных грамот дало возможность установить принадлежность дворовых комплексов. Колоссальный объем полученного в ходе работ материала потребовал больших усилий по его обработке,

из-за чего полноценное введение коллекции в научный оборот, а также комплексная характеристика усадеб сильно растянулись по времени и продолжают до сих пор.

Древнейшие культурные напластования Неревского раскопа, зафиксированные преимущественно на южных усадьбах «К», «К-2», «И», «И-2», «Е», относятся к середине X в. В течение столетия город постепенно разрастался на север и запад, занимая все новые территории (Петров, Тарабардина, 2020. С. 137–139), и работы 1951–1962 гг. в целом отразили этот процесс, поскольку наиболее ранние отложения в северной и северо-западных частях Неревского раскопа датируются только последней четвертью X в. (Гринев, 2019. С. 21–26).

Усадьба «Д-2» была обнаружена в западной части Неревского раскопа и исследовалась на площади раскопов XXVIII (1958–1959 гг.) и XXXI–XXXIII (1961–1962 гг.). Общая изученная площадь усадьбы составила около 600 кв. м (рис. 1; 2, А). С юга ее территория была ограничена мостовой Кузьмодемьянской улицы, с востока к ней

¹ Кафедра истории России и археологии Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого; Б. Санкт-Петербургская ул., д. 41, г. Великий Новгород, Новгородская обл., 173003. Россия; e-mail: amgrinev@mail.ru.

Рис. 1. Застройка усадеб Неревского раскопа в последней четверти X в.

Fig. 1. Buildings of the urban properties at the Nerevsky excavation in the last quarter of the 10th century

примыкала усадьба «Д», а северная и западная границы уходили за пределы раскопа. Таким образом, этот дворовый комплекс был исследован не полностью, но в поле зрения ученых попала основная его часть.

Среди других владений Неревского раскопа усадьба «Д-2» оказалась одной из наименее изученных. О ее древнейшей застройке П. И. Засурцев писал, что данная территория во второй половине X в. являлась окраиной города и не была заселена, а в первой половине XI в. здесь проходила дорога в объезд первоначального поселка (Засурцев, 1963. С. 111–112). В дальнейшем внимания исследователей удостоивались лишь отдельные элементы материальной культуры усадьбы (Колчин, 1971. С. 10; Седова, 1981. С. 144, 149; Фараджева, 2015. С. 130–131; и пр.).

В ходе археологических работ 1961–1962 гг. был собран значительный по объему материал, зафиксированный на высоком для своего времени методическом уровне. Именно отчетная документация за 1961–1962 гг. (полевые дневники по XXXI–XXXIII раскопам, камеральные описи и дневники находок) легли в основу нашего исследования.

В качестве рабочего инструмента в работе были использованы средства пространственного анализа ГИС, успешно апробированные на новгородском материале М. И. Петровым (Петров, 2009. С. 226–243; 2012. С. 27–37; 2016. С. 68–102). В основу предложенной им методологии изучения усадебных комплексов положена процедура согласования пластов и ярусов, опирающаяся на построение виртуальных поверхностей границ строительных ярусов, с которыми сопоставляются данные горизонтальных пластов (Петров, 2009. С. 226–235). Однако в случае данного исследования неполнота используемого археологического источника и недостаточный объем информации для построения поверхности яруса наложили определенные ограничения на возможность применения этого метода.

Для древнейшего яруса усадьбы «Д-2» надежно реконструируется только поверхность материка (предматерика), в то время как модели других поверхностей, в условиях отсутствия качественной фиксации культурного слоя, в значительной степени гипотетичны. Для большей части исследуемой усадьбы культурные напластования не отображались графически, а лишь описывались в полевых дневниках и отчетах, поэтому наибо-

лее достоверно по текстовому описанию устанавливается только расположение ярких угольных прослоек. Соотнесение их со следами пожаров на срубах позволило в общих чертах реконструировать поверхность гибели строительного яруса.

Таким образом, в рамках данного исследования рассматриваются древнейшие напластования, сооружения и вещевой комплекс усадьбы «Д-2» с момента появления здесь следов хозяйственной активности человека до первого пожара конца X в.

Застройка усадьбы «Д-2»

Ранние усадьбы Неревского конца располагались на пологонаклонной равнине озерно-ледникового происхождения, имеющей спуск в направлении р. Волхов (Гринев, 2019. С. 14). На территории усадьбы «Д-2» наклон составлял в среднем около $1^{\circ}20'$, однако к северо-востоку его угол постепенно увеличивался (рис. 2, А).

Восточную границу владения определял часток из небольших бревен или жердей диаметром до 10 см. Ограда сохранилась очень фрагментарно и представлена тремя небольшими участками по 0,5, 1,0 и 4,0 м.

На усадьбе «Д-2» в слоях второй половины X в. располагались три постройки (рис. 2, А). В центральной части участка, в 20 м к северу от Кузьмодемьянской улицы, находилось сооружение Д26Б, представлявшее собой четырехугольный в плане сруб размерами около $5,0 \times 5,7$ м. Сохранность постройки была очень плохой, от нее остались лишь два обломка бревен западной стены длиной 2,3 и 1,0 м, тонкое бревно южной стены длиной 5,7 м и три небольшие доски, уложенные перед южной стеной. Сверху сооружение было перекрыто угольным слоем (Арциховский, Колчин, 1962. Л. 146–147, 149).

В четырех метрах к югу от сруба располагалась конструкция из десяти уложенных плотно друг к другу тонких бревен длиной около 2,8 м, ориентированных с севера на юг. Видимо, это была дворовая вымостка перед сооружением Д26Б.

В 6 м к северу от сруба Д26Б находилась постройка Д26В, представлявшая собой рубленный в обло прямоугольный сруб размерами $4,5 \times 3,5$ м с примыкающим с юга крыльцом-площадкой. От основной камеры сохранились стены, сложенные из бревен диаметром 0,22 м, и три врубленные

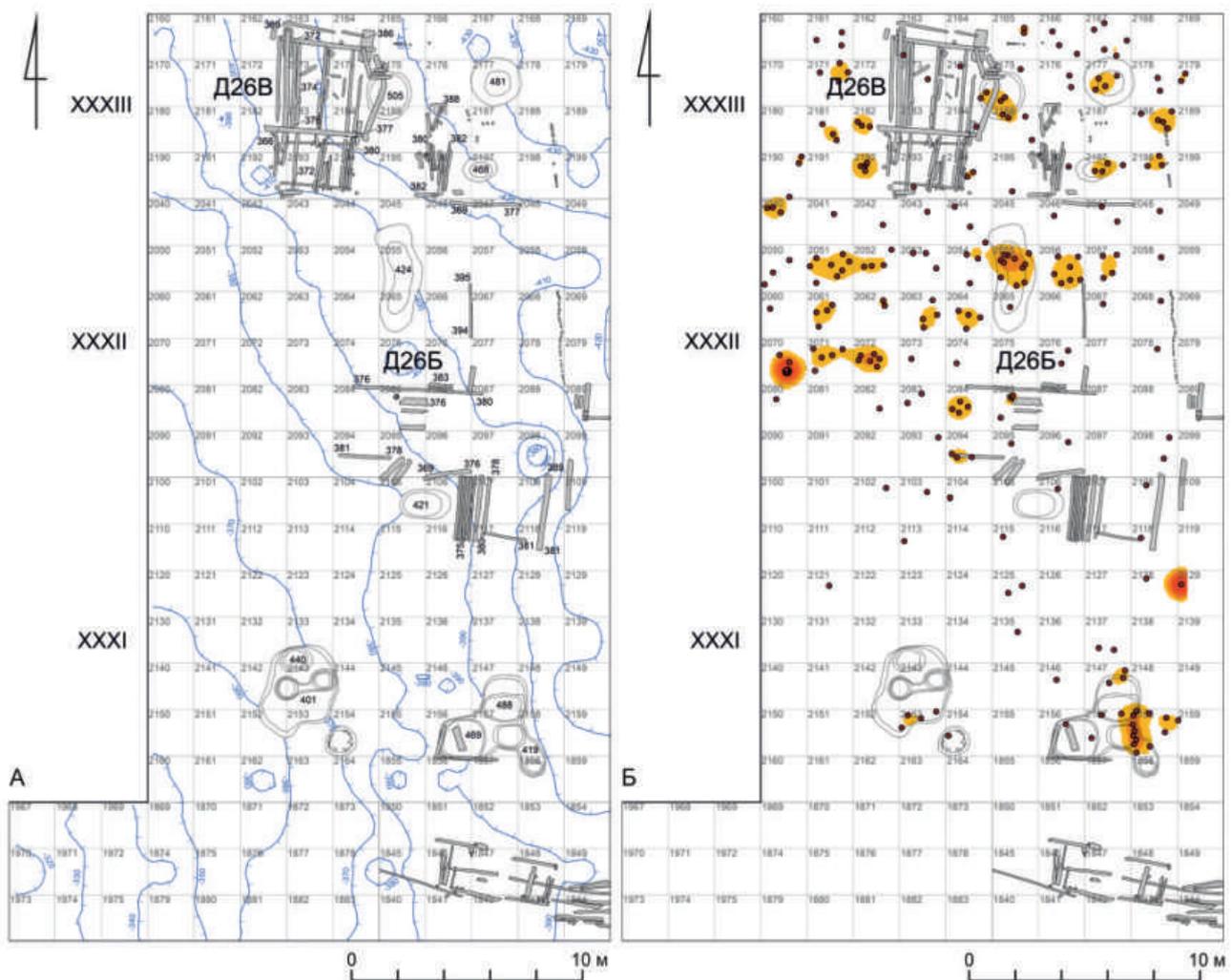

Рис. 2. Усадьба «Д-2» во второй половине X в.: А — палеорельеф и застройка усадьбы во второй половине X в., Б — план распределения индивидуальных находок с указанием ядер наибольшей их концентрации в радиусе 1 м
 Fig. 2. Property “D-2”: A — palaeorelief and layout of the property in the second half of the 10th century, B — plan of the distribution of individual finds with indication of the spots of their utmost abundance within the radius of 1 m

насквозь переводины пола, ориентированные с севера на юг. Привходная конструкция, ограниченная выпусками боковых бревен основной камеры, имела размер 3,2 × 2,2 м и состояла из двух лаг, поверх которых были положены доски шириной до 0,2 м (Арциховский и др., 1963. Л. 63). По-видимому, данная постройка принадлежала к числу хозяйственных (Фараджева, 2015. С. 131).

В 3,4 м к востоку от сруба Д26В, рядом с частоколом, был обнаружен развал из нескольких бревен, образующих конструкцию с прямым углом в юго-западной части. Под ним была зафиксирована обширная прослойка глины площадью более 20 кв. м, которая могла служить фундаментной

площадкой. Внутреннее пространство сооружения было заполнено слоем навоза мощностью до 5 см, при этом бревна в восточной части явно ограничивали его распространение (Арциховский и др., 1963. Л. 43). Возможно, здесь могла располагаться еще одна хозяйственная постройка, разобранная в конце X в.

Сооружения в северной части усадьбы располагались не на предматерике, а на тонкой прослойке плотной темно-коричневой земли. Сверху они были перекрыты горелым слоем, который, видимо, синхронен угольной прослойке поверх сруба Д26Б и остальным следам пожара из нижних пластов раскопов XXXI и XXXII (Арциховский и др., 1963. Л. 40–43).

**Вещевой комплекс усадьбы «Д-2»
второй половины X в.**

К древнейшему ярусу усадьбы «Д-2» отнесено 240 предметов из различных традиционных для Новгорода материалов: дерева (80 экз.), железа (41 экз.), стекла (40 экз.), камня (32 экз.), кости и рога (17 экз.), цветного металла (7 экз.), глины (5 экз.) и пр. (18 экз.) (рис. 2, Б). Чтобы отразить особенности хозяйственной деятельности на усадьбе, все находки были разделены на несколько функциональных групп: домашняя утварь, хозяйственный инвентарь, запорные системы, инструменты прядения и ткачества, рыболовный инвентарь и пр. Подобный подход успешно применялся для анализа обширных и разнородных коллекций из раскопок средневековых городов, в том числе Новгорода (Петров, 2017. С. 171–186).

Домашняя утварь включает в себя находки, связанные с приготовлением, хранением и потреблением пищи. К их числу относятся следующие подгруппы предметов.

Столовая посуда представлена небольшим числом находок: деревянной резной чашей с полукруглой орнаментированной ручкой (рис. 3, 3), обломком деревянного точеного (?) сосуда (рис. 3, 2), двумя резными ковшами, один из которых был украшен головой зверя (рис. 3, 10), черпаком (рис. 3, 9) и обломком деревянной ложки (рис. 3, 4).

Особого внимания заслуживает обломок резной чаши с орнаментом (рис. 3, 3), от которой сохранились часть стенки и ручка. Чаши такого типа изготавливались из березового капа и были найдены на поселениях и в погребениях лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии (Колчин, 1968. С. 44–46; Давидан, 1995. С. 163). Декоративный элемент на нижней стороне рукояти изображает узел, перехватывающий две зеркально отраженные растительнообразные петли. Подобные узлы являются характерной чертой распространенного в середине IX — второй половине X в. стиля Борре и встречаются на многих предметах североевропейского облика (Petersen, 1928. S. 184, fig. 227; Wilson, Klindt-Jensen, 1980. Pl. XXVII; Каргер, 1958. С. 189, рис. 36; Хвоцинская, 2017. С. 43, рис. 6, 5). Чаша Неревского раскопа является единственным в Новгороде деревянным предметом, орнаментированным подобным образом. Морфологически близкий декор известен также на серебряной оковке чаши, происходящей из камерного погребения 6 (вторая половина X в.)

Старовознесенского некрополя в Пскове (Ершова, 2015. С. 268, 294, рис. 3а).

Из *кухонных принадлежностей* на усадьбе «Д-2» найдены только две деревянные мутовки (рис. 3, 1).

Бондарная тара характеризуется традиционным набором вещей, в который входят бондарные днища (2 экз.), крышка от бочки, деревянный обод, затычки от бочки (2 экз.) и железная дужка ведра.

Берестяная тара представлена четырьмя днищами туесов и стенкой сосуда.

Практически все предметы домашней утвари располагались рядом с постройками Д26Б и Д26В. Вблизи центральной постройки усадьбы были найдены обломок резной чаши, черпак и большая часть донцев туесов (рис. 4, А).

Хозяйственный инвентарь включает в себя различные орудия труда универсального и специального характера, а также предметы широкого спектра применения, используемые в быту.

Среди *универсальных деревянных орудий труда* на усадьбе «Д-2» найдены деревянные лопаты (2 экз.), цилиндрическая рукоять с отверстием в центре, чекмарь и конопатка (?) для уплотнения щелей. К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* относятся железные кольца (2 экз.) и железный пробой с кольцом (рис. 5, 9–10).

Орудия для обработки прядильных растений представлены только деревянным чесалом.

Из остальных предметов этой функциональной группы найдены деревянное коромысло, деревянное кольцо для петли лассо (рис. 3, 5) и два деревянных клина для раскалывания бревен.

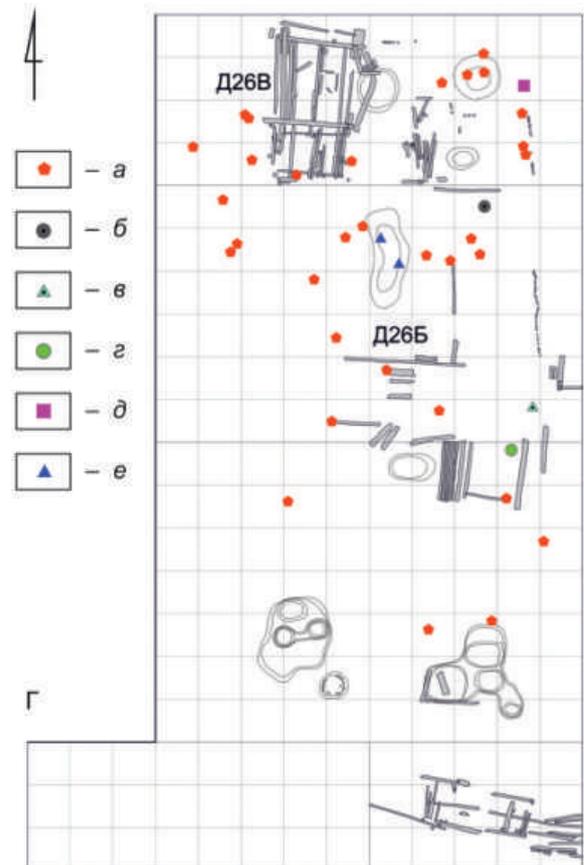
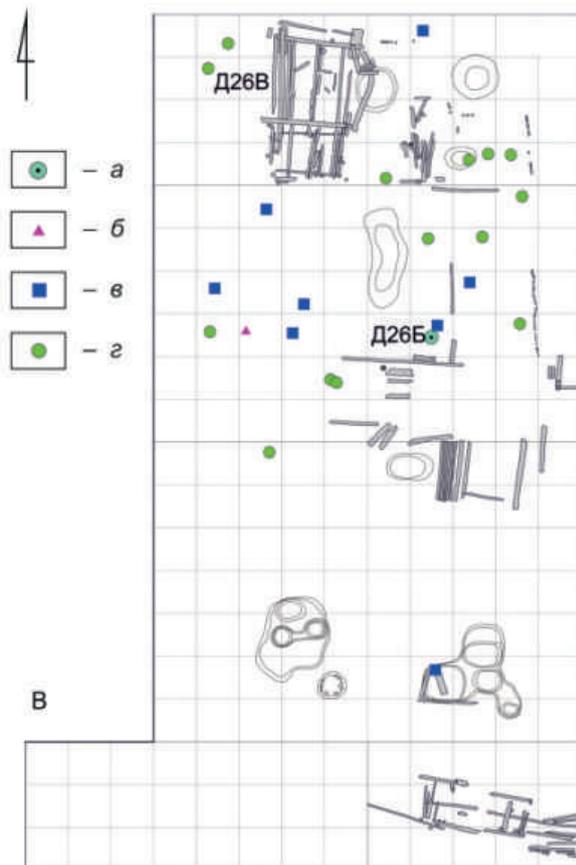
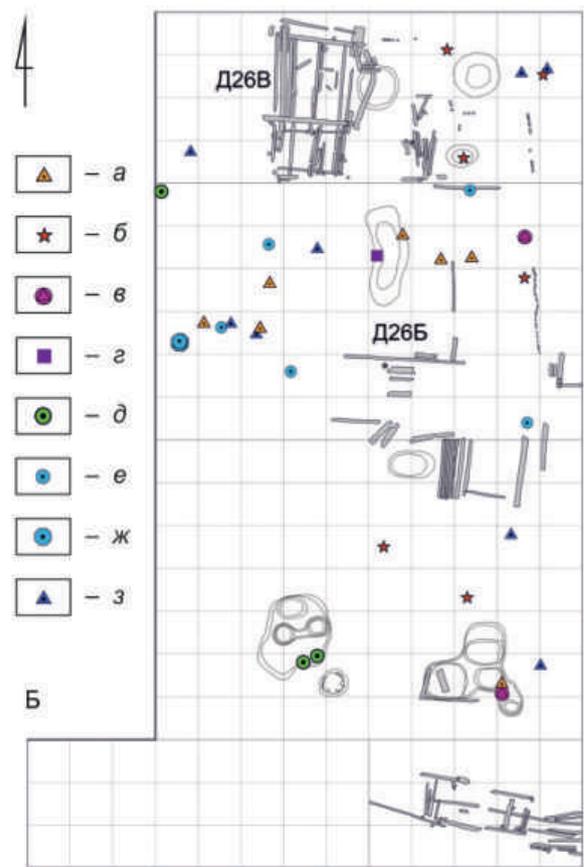
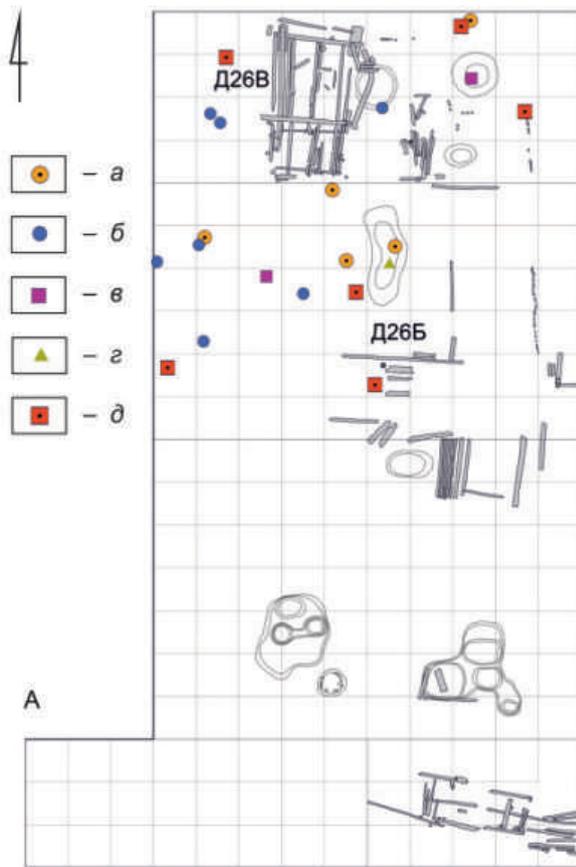
Универсальный инструментарий. Эта категория находок представлена традиционным набором предметов, включающим железные ножи с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку (6 экз.; рис. 5, 1–4), деревянную рукоять с обломком ножа (рис. 5, 5), пружинные ножницы (2 экз.; рис. 5, 8) и шилья с острием круглого сечения (3 экз.; рис. 5, 6, 7). Среди *инструментов для заточки* здесь встречены только призматические точильные бруски (7 экз.).

Запорные системы. На усадьбе «Д-2» найдено два железных ключа типа А от деревянных нутряных замков (рис. 5, 12), характерной особенностью которых является коленчатая форма и наличие зубьев на конце (Колчин, 1959. С. 86; Кудрявцев, 2014. С. 16–17). Оба предмета были

Рис. 3. Деревянные изделия усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1 — мутовка (30-2062); 2 — чаша точеная (31-2080); 3 — чаша резная (30-2064); 4 — ложка (31-2099); 5 — петля для лассо (31-2192); 6, 7 — поплавки деревянные (31-2190, 31-2159); 8 — бирка счетная (30-2055); 9 — черпак (31-2085); 10 — ковш с зооморфной рукоятью (32-2188). 1-10 — дерево. Масштаб: а — для 1-5, б — для 6-8, в — для 9-10

Fig. 3 Wooden objects from property “Д-2” of the second half of the 10th century: 1 — churn staff (30-2062); 2 — chiselled bowl (31-2080); 3 — carved bowl (30-2064); 4 — spoon (31-2099); 5 — loop for a lasso (31-2192); 6, 7 — wooden fishing floats (31-2190, 31-2159); 8 — counting tag (30-2055). 1-8 — wood. Scale: а — for 1-5, б — for 6-8, в — for 9-10

обнаружены в южной части двора рядом с Кузьмодемьянской улицей.

Крепежи. К средствам крепежа на усадьбе «Д-2» относятся железные гвозди (8 экз.), скобы (2 экз.) и небольшая железная заклепка с шайбой ромбовидной формы.

Приспособления для обработки цветных металлов. К предметам этой функциональной группы относится глиняная плоскодонная льячка с боковой втулкой для вставки деревянного стержня (рис. 5, 11). Подобные льячки использовались для плавки свинца, олова и их сплавов, поскольку тесто сосудов не предназначалось для воздействия более высоких температур, а в самих льячках были обнаружены следы этих металлов (Ениосова, Ререн, 2011. С. 249). Также рядом со срубом Д26Б был найден обломок медной проволоки, которую могли использовать в качестве сырья в ювелирном производстве.

Инструменты прядения и ткачества. В древнейших отложениях усадьбы «Д-2» обнаружены одно деревянное веретено и 14 пряслиц, среди которых были встречены традиционные для Новгорода битрапедиевидные пряслица из розового пиррофиллита (11 экз., рис. 6, 8–13) и три пряслица из глины. Среди глиняных пряслиц два отличаются более плотной структурой теста и имеют форму, близкую к конусовидной, с выраженным ребром у основания (рис. 6, 14, 15). Конусовидные и морфологически близки к ним пряслица не являются характерными для материальной культуры древнерусских поселений, но широко встречаются в Швеции, Норвегии и Дании, где составляют большую часть коллекций (Andersson, 2003. P. 73–76, 118–121; Blomqvist, Mårtensson, 1963. S. 173; Deutgen, 1990. S. 112–113, fig. 2; Øye, 2011. P. 341–345). На поселениях южного побережья Балтийского моря, связанных

со скандинавским присутствием, конусовидные глиняные пряслица известны в очень небольшом количестве (Janowski, 2019. P. 295, 298, fig. 118; Hertrampf, 2005. S. 33, 40–41). По-видимому, конусовидные пряслица, найденные на усадьбе «Д-2», следует в той или иной степени связывать с северо-европейским влиянием.

Среди ткацких орудий на усадьбе обнаружены классические костяные проколки (8 экз., рис. 6, 1–7), которые, по мнению ряда исследователей, использовались для подбивания нитей утка к нитям основы во время работы на вертикальном ткацком станке (Смирнова, 2000. С. 240). Вместе с тем не отрицается возможность полифункционального использования этих предметов (Wywrot-Wyszowska, 2019. P. 167–169). Кроме того, на усадьбе обнаружена железная игла, характеризующая швейные принадлежности (рис. 7, 16).

В пространственном отношении больше половины инструментов прядения и ткачества были найдены в связи с постройкой Д26Б, в то время как рядом с хозяйственным сооружением Д26В были встречены лишь отдельные пряслица (3 экз.) и проколка. Еще небольшое скопление пряслиц (4 экз.) отмечено у развала постройки в северо-восточной части усадьбы (рис. 4, В).

Рыболовный инвентарь на усадьбе «Д-2» представлен только средствами сетевого лова, к которым относятся каменные грузила (5 экз.), заготовки каменных грузил (8 экз.), деревянные поплавки (8 экз.) и берестяной поплавков (1 экз.). Информация о большей части каменных грузил и поплавков утрачена, известно только, что два поплавка (рис. 3, 6, 7) имели полукруглую форму с двумя отверстиями на концах и использовались для крупных отцеживающих сетей (Колчин, 1968. С. 22). Основная часть принадлежностей для

Рис. 4. Пространственное распределение находок по функциональным группам на усадьбе «Д-2» во второй половине X в.: А — домашняя утварь (а — берестяная тара, б — бондарная тара, в — кухонная утварь, г — прочее, д — столовая посуда); Б — инструменты (а — брусок точильный, б — нож, в — ножницы, г — рукоять, д — шило; е — грузило, ж — заготовка грузила, з — поплавков); В — прядение и ткачество (а — веретено, б — игла, в — проколка, г — пряслице); Г — украшения и детали костюма (а — бусина, б — привеска-дирхем, в — цепочка, г — бубенчик, д — пряжка, е — фибула)

Fig. 4. Spatial distribution of finds through functional groups at urban property “Д-2” in the second half of the 10th century: А — domestic utensils (а — birchbark containers, б — cooperage, в — kitchen utensils, г — other objects, д — tableware); Б — all-purpose tools and fishing inventory (а — whetstone, б — knife, в — scissors, г — handle, д — awl, е — sinker, ж — blank for a sinker, з — float); В — tools for spinning and weaving (а — spindle, б — needle, в — borer, г — spindle-whorl); Г — ornaments from glass and metal and costume details (а — bead, б — dirham-pendant, в — small chain, г — small bell, д — clasp, е — fibula)

рыбной ловли была найдена у западной стены постройки Д26Б (рис. 4, Б).

Вооружение. К этой категории предметов на усадьбе «Д-2» относится только целая роговая гирька кистеня с железным стержнем и ушком для подвешивания (рис. 7, 31), принадлежащая к типу I по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1966. С. 59).

Украшения из стекла. На усадьбе «Д-2» в слое второй половины X в. найдены 40 стеклянная бусина, среди которых встречаются как бусы, выполненные в технике тянутой трубочки, являющиеся наиболее распространенными в это время (*Львова*, 1968. С. 82–90), так и бусы в технике навивки.

Бусины из тянутой трубочки традиционно для X в. преобладают (26 экз.). К ним относятся одночастные бусины и многочастные пронизки с декором и без. Многочастные пронизки без декора представлены двухчастными лимоновидными пронизками синего стекла (3 экз.; рис. 7, 16) и желтой двухчастной пронизкой (рис. 7, 5). Из пронизок с декором найдена продольно-полосатая двухчастная пронизка белого стекла с черными накладными нитями.

Среди одночастных бус без декора больше всего встречено лимоновидных бус синего полупрозрачного стекла (7 экз.; рис. 7, 16), составляющих один комплекс с описанными выше синими пронизками. Кроме них найдены лимоновидные бусы желтого стекла (4 экз.; рис. 7, 4, 7) и ребристая лимоновидная желтая бусина (рис. 7, 3). Декорированные одночастные бусы представлены обломком продольно-полосатой лимоновидной желтой бусины с нитями красного стекла (рис. 7, 2).

Кроме того, было обнаружено девять рублевых желтых бисерин (рис. 7, 8–14), что составляет почти четверть от всех стеклянных украшений, найденных на усадьбе.

Навитые бусы без декора встречены в сравнительно небольшом количестве. К ним относятся зонные бусы из прозрачного синего стекла (рис. 7, 17–19), зонная бусина бордового стекла, таблетковидная бусина голубого непрозрачного стекла (рис. 7, 15) и желтая цилиндрическая бусина.

Декорированные навитые бусы представлены двумя золотостеклянными битрапецевидными бусинами (рис. 7, 6), шаровидной черной бусиной с поперечным пояском красного стекла²

и цилиндрической бусиной из желтого с включениями светло-коричневого непрозрачного стекла, украшенной волнистой нитью светло-зеленого стекла по центру и прямыми нитями такого же стекла по краям (рис. 7, 1).

Последняя вещь заслуживает особого внимания. Типологически близкие бусины со схожей орнаментацией являются характерной находкой для Скандинавии (типы В021О, В308О, В615ST-О по Ю. Кальмеру), где основное время их бытования приходилось на вторую половину IX — первую половину X в. (*Callmer*, 1977. Р. 83). В более позднее время эти украшения встречались единично. По мнению Ю. Кальмера, немногочисленные цилиндрические бусы с волнистым орнаментом, изготовленные из желтого непрозрачного стекла, являлись результатом неудачной окраски, и по этой причине он не стал выделять их в отдельный тип. Однако все известные в Новгороде бусины этого вида, обнаруженные на Троицком и Неревском раскопах, изготовлены именно из желтого непрозрачного стекла, что заставляет критически подойти к выводам Ю. Кальмера. Присутствие в синхронных культурных отложениях цилиндрической бусины с волнистым орнаментом и золотостеклянных навитых бус, начало бытования которых приходится на рубеж X–XI вв. (*Седых, Френкель*, 2012. С. 312–315), свидетельствует либо о более длительном бытовании первых на Северо-Западе Руси, либо о сильной спрессованности напластований второй половины X в. на усадьбе «Д-2» и возможном более раннем ее освоении.

Еще четыре бусины не удалось отнести к какой-либо категории либо по причине плохой сохранности (рис. 7, 20), либо из-за отсутствия информации о них в источниках.

Украшения из металла. Рядом со срубом Д26Б были найдены обрывок бронзовой цепочки и привеска-дирхем с приклепанным ушком, использовавшаяся в качестве нагрудного украшения (рис. 7, 27). Исследование химического состава монеты показало, что она была отлита из свинцово-оловянного сплава с примесями и в ней не было обнаружено серебра. Таким образом, этот дирхем относится к числу фальшивых, как и остальные отдельные монеты Неревского раскопа (*Гомзин, Гайдуков*, 2019. С. 405).

Детали костюма. Эта группа предметов включает в себя следующие находки: подковообразную латунную фибулу с гвоздевидными

² Точный тип бусины установить невозможно, поскольку она представлена только некачественным карандашным рисунком в дневнике находок за 1962 г.

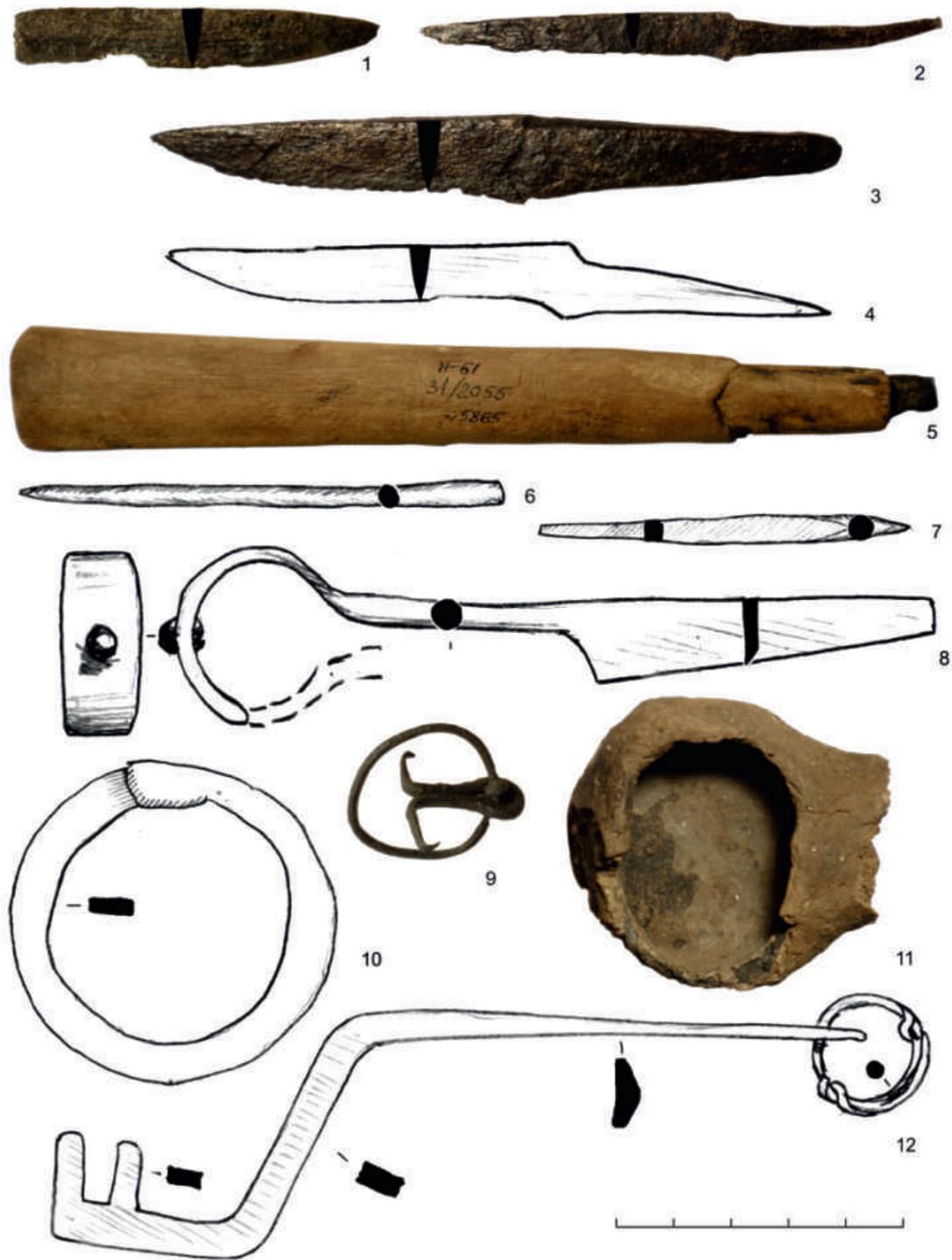

Рис. 5. Универсальный инструментарий, хозяйственный инвентарь и запорные системы усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1-4 — ножи (32-2166, 32-2179, 32-2197 (яма), 31-2137); 5 — рукоять с обломком ножа (31-2055); 6-7 — шилья (31-2153, 31-2040); 8 — ножницы (31-2158); 9 — пробой с кольцом (30-2046), 10 — кольцо (31-2056); 11 — льячка (31-2125); 12 — ключ (31-2147). 1-4, 6-10, 12 — железо; 5 — дерево, железо; 11 — глина

Fig. 5. All-purpose instruments, household inventory and locking appliances from property "Д-2" of the second half of the 10th century: 1-4 — knives (32-2166, 32-2179, 32-2197 (pit), 31-2137); 5 — grip with a knife fragment (31-2055); 6-7 — awls (31-2153, 31-2040); 8 — scissors (31-2158); 9 — punch with a ring (30-2046), 10 — ring (31-2056); 11 — casting ladle (31-2125); 12 — key (31-2147). 1-4, 6-10, 12 — iron; 5 — wood, iron; 11 — clay

Рис. 6. Инструменты прядения и ткачества и предметы культа усадьбы «Д-2» второй половины X в.:

1-7 — проколки (31-2067, 31-2063, 31-2061, 31-2076, 30-2156, 31-2042, 31-2166); 8-13 — пряслица битрапезиевидные (31-2055, 31-2048, 31-2057, 31-2171, 31-2198, 31-2078); 14, 15 — пряслица конусовидные (31-2109, 30-2084); 16 — игла (31-202); 17 — тесло (31-2188). 1-7 — кость; 8-13 — розовый пирофиллит; 14-15 — глина; 16 — железо; 17 — сланец

Fig. 6. Spinning and weaving tools and religious objects from property “Д-2” of the second half of the 10th century: 1-7 — borers (31-2067, 31-2063, 31-2061, 31-2076, 30-2156, 31-2042, 31-2166); 8-13 — bi-trapezoid spindle whorls (31-2055, 31-2048, 31-2057, 31-2171, 31-2198, 31-2078); 14, 15 — cone-shaped spindle whorls (31-2109, 30-2084); 16 — needle (31-202); 17 — adze (31-2188). 1-7 — bone; 8-13 — pink pyrophyllite; 14, 15 — clay; 16 — iron; 17 — chert

Рис. 7. Украшения, детали костюма, предметы личного пользования и инструменты взвешивания усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1-20 — бусы (31-2146, 32-2193, 30-2063, 31-2056, 31-2051, 31-2178, 30-2051, 31-2177, 31-2198, 31-2198, 30-31-2136, 31-2056, 33-2188, 31-2044, 31-2096, 31-2129, 31-2041, 31-2054, 31-2129, 31-2129); 21 — раковина каури (33-2167); 22-26 — гребни (31-2053, 30-2070, 31-2055, 31-2106, 31-2165); 27 — привеска-дирхем (31-2047); 28 — фибула подковообразная с гвоздевидными головками (31-2055); 29 — бубенчик (яма — 2108); 30 — гиричка бочонковидная (31-2197); 31 — гиричка кистеня (30-2094). 1-20 — стекло; 21 — раковина моллюска; 22-26 — рог; 27 — латунь; 28 — бронза; 29 — железо, бронза; 30 — рог, железо; 31 — свинцово-оловянный сплав

Fig. 7. Ornaments, details of costume, items of personal use and weighing instruments from property "Д-2" of the second half of the 10th century: 1-20 — beads (31-2146, 32-2193, 30-2063, 31-2056, 31-2051, 31-2178, 30-2051, 31-2177, 31-2198, 31-2198, 30-31-2136, 31-2056, 33-2188, 31-2044, 31-2096, 31-2129 (10 items), 31-2041, 31-2054, 31-2129, 31-2129); 21 — cowry shell (33-2167); 22-26 — combs (31-2053, 30-2070, 31-2055, 31-2106, 31-2165); 27 — dirham-pendant (31-2047); 28 — horseshoe brooch with nail-shaped finials (31-2055); 29 — little bell (pit — 2108); 30 — barrel-shaped weight (31-2197); 31 — striking head of a war-flail (30-2094). 1-20 — glass; 21 — mollusc shell; 22-26 — horn; 27 — brass; 28 — bronze; 29 — iron, bronze; 30 — horn, iron; 31 — lead-tin alloy

головками (рис. 7, 28), иглу подковообразной фибулы, грушевидный бубенчик (с крестовидной прорезью (?); рис. 7, 29) и язычок поясной пряжки. Рядом с постройкой Д26Б были найдены только фибула и язычок пряжки, а остальные предметы происходят с окраины усадьбы (рис. 4, Г).

Предметы личного пользования. Гребни из рога обнаружены на усадьбе «Д-2» в пяти экземплярах. Три из них относятся к типу В-2 по К. Амброзиани (*Ambrosiani*, 1984. S. 164–165), особенностью которого является орнамент из вертикальных линий и небольшие выступы на краях накладок (рис. 7, 22–24). Еще два гребня были орнаментированы циркульным орнаментом (тип В-3 по К. Амброзиани, *Ibid.* S. 164–165), причем на одном из них центральные части пластин были украшены двумя рядами концентрических кружков (рис. 7, 25), а на втором ряд кружков располагался вдоль верхнего края накладки и был заключен в рамку (рис. 7, 26).

Футляры гребней представлены здесь всего одним экземпляром с накладками, украшенными комбинацией из циркульного орнамента в центре и вертикальных линий на краях.

К **инструментам взвешивания** на усадьбе относится обтянутая медью железная бочонковидная гирилка весом 34,34 г, маркированная пятью кружками с соединительными линиями (рис. 7, 30).

Средства учета. Внутри сруба Д26Б была найдена деревянная счетная бирка, на которой сохранилось 27 зарубок, конец бирки обломан (рис. 3, 8).

Среди **предметов культа** на усадьбе «Д-2» обнаружено сланцевое тесло эпохи неолита — раннего металла (рис. 6, 17), вероятно, использовавшееся древними новгородцами в лечебной магии и для отпугивания духов (*Тянина*, 2008. С. 180–183).

Детали **транспортных средств** представлены санными копылами (4 экз.), зафиксированными преимущественно в южной части двора, рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Детские игрушки на усадьбе «Д-2» очень малочисленны. К ним относятся рукоять деревянного игрушечного меча, деревянная фигурка и волчок.

Из **элементов интерьера** в южной части двора найден деревянный подвесной крюк.

Предметы за пределами функциональных групп. Значительная часть предметов (56 ед., 23,3 %) не может быть отнесена к каким-то

функциональным группам по причине их невыясненного назначения, плохой сохранности или фрагментарности. Такие предметы для удобства описания были разделены по материалу, из которого изготовлены.

Различные **предметы из дерева** включают в себя деревянные поделки неопределенного назначения (33 экз.), детали средних размеров (3 экз.), обруч, фрагмент плетеного из прутьев изделия и деревянную застежку.

К **предметам из металла** относятся различные неопределимые предметы из железа (8 экз.), пластина, железный крюк и втулка от неопределенного инструмента.

К **прочим находкам** принадлежат обрывки веревок (3 экз.), раковина каури (рис. 7, 21), раковина *unio* и неопределенная костяная поделка.

Распространение массового материала

Применявшаяся на Неревском раскопе поквадратная фиксация массового материала стала незаменимым источником для изучения зон хозяйственной активности. Для древнейшего яруса усадьбы «Д-2» было рассчитано и отражено графически содержание обломков костей и глиняной посуды каждого квадрата раскопов XXXI–XXXIII (рис. 8).

Керамика (рис. 8, А). Для слоев второй половины X в. отмечаются следующие особенности распространения керамики. На большей части владения обломки посуды встречены в небольшом количестве (от 0 до 20 экз.). Основными зонами их низкой концентрации являются юго-западная часть усадьбы (вероятно, въезд), окрестности постройки Д26В и пространство между восточной стенкой постройки Д26Б и усадебным частоколом. Рядом с центральным сооружением усадьбы и в юго-восточной части владения количество обломков битой посуды увеличивается (от 40 до 100), при этом в юго-западном и северо-восточном углах сруба фиксируются отдельные скопления. Также повышенное содержание керамики отмечено к западу от постройки. В северо-восточной части усадьбы рядом с развалом бревен и частоколом наблюдается наибольшее число обломков горшков (около 40–100), а внутри предполагаемой хозяйственной постройки их концентрация достигает 200–260 шт. на квадрат.

Кости (рис. 8, Б). Распределение обломков костей в целом совпадает с распределением

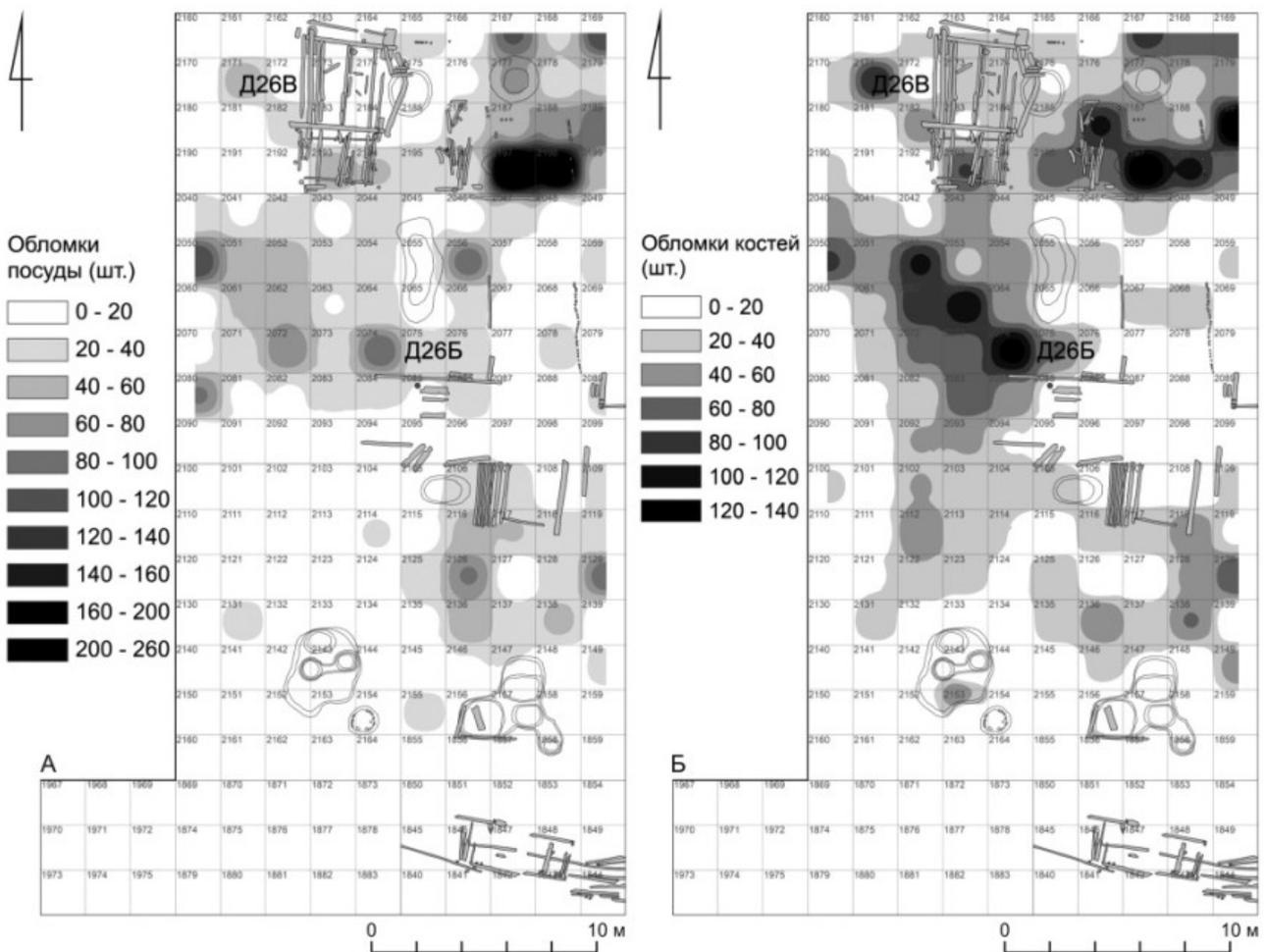

Рис. 8. Пространственное распределение массового материала на усадьбе «Д-2» во второй половине X в.:
 А — керамика; Б — кости

Fig. 8. Spatial distribution of mass finds from property “D-2” of the second half of the 10th century:
 A — pottery; B — bones

керамики. Низкая их концентрация связана с юго-западной и восточной частями владения, а также с участками около сруба Д26В. К западу от постройки Д26Б и в юго-западном ее углу содержание костей значительно увеличивается и достигает 100–140 обломков на квадрат. Такая же высокая концентрация фиксируется и в северо-восточной части владения, там же, где отмечалось повышенное скопление обломков посуды.

Общая характеристика усадьбы «Д-2» во второй половине X в.

Комплексный анализ материалов древнейшего яруса усадьбы «Д-2» позволяет обозначить основные аспекты жизни населявших ее людей и ответить на ряд существенных вопросов. Одним из них является вопрос о времени освоения этого

участка. Заселение территории к западу от усадьбы «Д» (рис. 1) произошло в третьей четверти X в., возможно в 960-е гг., о чем свидетельствует, с одной стороны, определенная концентрация лепной керамики в этой части Неревского конца (Смирнова, 1976. С. 4; Плохов, 2009. С. 429) и попадание ранних типов бус, а с другой — наличие в этих же слоях навитых золотостеклянных бус, появившихся в Древней Руси только с конца X в.

В древнейшем ярусе усадьбы «Д-2» зафиксированы три постройки, располагавшиеся в центральной части владения и на ее периферии. Сооружение средних размеров Д26Б являлось основным на усадьбе. С ним связан набор предметов, характерный и для других жилых комплексов X в.: находки столовой посуды, глиняные и шиферные пряслица, костяные проколки,

украшения из стекла и металла, бронзовая фибула, гребни и инструменты. Внутри сруба, особенно в юго-западном углу, фиксируются отдельные скопления костей и керамики, которые, вероятно, маркируют кухонную зону. Снаружи постройки, вдоль ее западной стены, также отмечено много битой посуды и обломков костей, обозначающих, по-видимому, место утилизации бытовых отходов.

В 6 м к северу находился хозяйственный сруб Д26В с крыльцом-площадкой. Внутри постройки практически не было встречено индивидуальных находок и отсутствовали скопления массового материала (за исключением крыльца). Отдельные хозяйственные принадлежности, детали бондарной тары, деревянные поделки, пряслица и бусы были найдены вокруг сооружения. По-видимому, данная постройка не предполагала постоянного присутствия людей и использовалась как место хранения.

В 3,4 м к востоку от сруба Д26В был обнаружен развал из нескольких бревен на глиняной подушке, ограничивающих тонкую прослойку навоза. Внутри конструкции было встречено небольшое количество находок (отметим только несколько пряслиц), но вместе с тем здесь фиксировалось наибольшее скопление массового материала. По-видимому, на этом месте располагалась хозяйственная постройка, которая была разобрана в конце X в.

Пространственное распределение находок по территории усадьбы демонстрирует высокую плотность предметов в северной половине двора и низкую — в южной, а также отчетливо различает жилую и хозяйственную зоны усадьбы. В целом вещевая коллекция усадьбы «Д-2» довольно типична и не имеет ярко выраженных особенностей. Анализ материальной культуры свидетельствует о том, что здесь проживала семья из нескольких человек, в состав которой входили мужчины, женщины и дети. Круг их занятий включал различные домашние ремесла, изготовление тканей, рыбную ловлю и пр. Обращает на себя внимание отсутствие ярких предметов вооружения, снаряжения коня и всадника и престижных импортов, характерных для ряда других усадеб Неревского конца этого времени («Б», «Е», «К» и др.). В то же время следует отметить находки, связанные со скандинавскими древностями, а именно редкие для Северо-Запада Руси конусовидные глиняные пряслица, чашу, орнаментированную узлом в стиле Борре, и бочонковидную бусину желтого стекла с волнистым орнаментом.

В конце X в. на усадьбе «Д-2» произошел пожар, обширный слой которого перекрыл обе постройки, и Д26Б, и Д26В. Видимо, он являлся частью большого пожара, отмеченного на остальной площади Неревского раскопа (Гринев, 2019. С. 25–26).

Арциховский и др., 1963 — Арциховский А. В., Колчин Б. А., Янин В. Л., Авдусина Г. А. Отчет о раскопках Новгородской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Московского государственного университета в 1962 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 2542. 1963.

Арциховский, Колчин, 1962 — Арциховский А. В., Колчин Б. А. Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции в 1961 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 2381. 1962.

Гомзин, Гайдуков, 2019 — Гомзин А. А., Гайдуков П. Г. Куфические монеты Неревского раскопа и новые свидетельства фальшивомонетчества в Новгороде // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 402–410.

Гринев, 2019 — Гринев А. М. Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Неревского раскопа): Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.06 — Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2019. 28 с.

Давидан, 1995 — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi

(из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. СПб.: ФАРН, 1995. Вып. 9. С. 156–167.

Енисова, Ререн, 2011 — Енисова Н. В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3: Материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» / Под ред. Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: Печатный двор «Великий Новгород», 2011. С. 243–254.

Ершова, 2015 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: В 2 т. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 257–308.

Засурицев, 1963 — Засурицев П. И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 123). Т. 4. С. 6–126.

- Каргер*, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. I. 579 с.
- Кирпичников*, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. 146 с.
- Колчин*, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. 2. С. 7–120.
- Колчин*, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Вып. Е1-55). 178 с.
- Колчин*, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 62 с.
- Кудрявцев*, 2014 — *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИА РАН. М., 2014. 23 с.
- Львова*, 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi: Ч. I // АСГЭ. Л.: Советский художник, 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Петров*, 2009 — *Петров М. И.* Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23. С. 226–242.
- Петров*, 2012 — *Петров М. И.* Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 27–37.
- Петров*, 2016 — *Петров М. И.* Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа. (По материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде) // НИС. Вып. 16 (26). Великий Новгород: СПБИИ РАН, Новгородский ГУ, 2016. С. 68–102.
- Петров*, 2017 — *Петров М. И.* Анализ функциональных групп в археологии средневекового города: возможности применения и исследовательский потенциал // АиИПиПЗ. М., Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32(62). С. 171–186.
- Петров*, *Тарабардина*, 2020 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 134–151.
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева: Сб. ст. / Сост. А. Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 417–431.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седых*, *Френкель*, 2012 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерева: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения И. А. Тихомирова. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2012. С. 296–322.
- Смирнова*, 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова*, 2000 — *Смирнова Л. И.* Проколки (хронология и функциональное назначение) // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 7. С. 236–246.
- Тянина*, 2008 — *Тянина Е. А.* Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2008. Вып. 22. С. 172–184.
- Хвоцинская*, 2017 — *Хвоцинская Н. В.* Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг. // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 34–103.
- Хорошев*, 1997 — *Хорошев А. С.* Новгородские усадьбы X–XV вв. // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. Т. 2. С. 411–424.
- Фараджева*, 2015 — *Фараджева Н. Н.* Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // РА. 2015. № 4. С. 123–133.
- Ambrosiani*, 1984 — *Ambrosiani K.* Kämme // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1984. S. 161–176.
- Andersson*, 2003 — *Andersson E.* Tools for Textile Production from Birka and Hedeby. Birka Studies 8. Stockholm: Birka Project, 2003. 166 p.
- Blomqvist*, *Mårtensson*, 1963 — *Blomqvist R., Mårtensson A. W.* Vardagsliv i lerhyddor // Thulegrävningen 1961. En berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade. Archaeologica Lundensia II. Lund: Skånska Centraltryckeriet, 1963. S. 136–212.
- Callmer*, 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1977. 256 p.
- Deutgen*, 1990 — *Deutgen L.* Textilhantverk I — spinning och väving // Makt och Människor i Kungens

- Sigtuna. Sigtunautgrävningen 1988–90. Sigtuna: Sigtuna museer, 1990. S. 112–116.
- Janowski, 2019 — Janowski A. Clay Artefacts // Wolin — the Old Town. Vol. II Studies on Finds. Szczecin: IAE PAN, 2019. P. 291–322.
- Herrmann, 2005 — Herrman J. Ralswiek auf Rügen. Die Slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland. Teil III — Die Funde aus der Hauptsiedlung. Schwerin: Archäologisches Landesmuseum und Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommer, 2005. 262 s.
- Petersen, 1928 — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger Museum, 1928. 221 s.
- Wilson, Klindt-Jensen, 1980 — Wilson D., Klindt-Jensen O. Viking Art. London: George Alken and Unwin, 1980. 253 p.
- Wywrot-Wyszkowska, 2019 — Wywrot-Wyszkowska B. Antler, Bone, and Horn Artefacts // Wolin — the Old Town. Vol. II Studies on Finds. Szczecin: IAE PAN, 2019. P. 137–190.
- Øye, 2011 — Øye I. Textile-production Equipment // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in Viking-age Kaupang. Oslo: Museum of Cultural History, University of Oslo, 2011 (Kaupang Excavation Project Publication Series, Volume 3. Norske Oldfunn XXIV). P. 339–372.

Urban property “Д-2” at the Nerevsky Excavation site of the 10th century

A. M. Grinev

Archaeological investigations at the Nerevsky excavation of 1951–1962 have yielded a huge volume of materials of which the scientific analysis is continuing until now. Here, 17 mediaeval housing properties were discovered of which nine have been completely excavated. Property “Д-2” situated in the western section of the Nerevsky excavation site was the last investigated. The present study involves its cultural strata of the second half of the 10th century.

The occupation of property “Д-2” took place in the third quarter of the 10th century, possibly around the 960s, as is evidenced by finds of handmade pottery and certain early types of beads. In the earliest building horizon, three houses were uncovered of which the residential one was in the centre of the courtyard while at the periphery of the property there were two economic buildings (Fig. 2, 1). The family living here was probably composed of several persons including men, women and children.

Through the distribution of individual finds and mass artefacts over the area of the property, two zones are clearly distinguishable: a zone of economic activities in the north and a residential courtyard area in the south. The predominant number of the artefacts was concentrated in the northern section of the property (Fig. 2, 2, 9). The finds included diverse domestic utensils, household inventory, different tools, ornaments, items of personal use, religious objects, etc. Noteworthy is the absence of prestigious objects here, i.e. weapons, horse gear or imported ware. Evidently, the property was of quite an ordinary character during that period; its owners were occupied with diverse domestic trades, manufacture of textiles, fishing, etc. Also there are found a number of objects of everyday use belonging to North-European antiquities distinguishing this property against the background of the other ones.

In the end of the 10th century, a fire occurred at the property burying the earliest building horizon. Similar strata of fire were noted also at other properties of this period at the Nerevsky excavation.